или иной научной традиции (так как книга посвящена преимущественно русским авторам, это явно не тот случай); 2) изучение новых архивных сведений, которые до недавнего времени не были известны широкой общественности (здесь тоже не тот случай); 3) наконец, новое осмысление понятий и концепций рассматриваемых авторов в области собственного понимания отдельных философских проблем. И вот как раз здесь автор теоретически мог бы претендовать на то, что он предлагает что-то новое. Как показывает практика, любую философскую идею можно переосмыслить, и обращение для этого к биографиям выдающихся русских анархистских мыслителей выглядело бы вполне логичным шагом.

Проблема заключается в том, что автор так и не предложил в своей книге ничего нового в контексте осмысления анархистской философии, вследствие чего любой потенциальный читатель может просто задастся вопросом о том, зачем ему вообще стоит читать данную монографию. У него всегда есть возможность познакомиться с подробнейшими исследованиями биографий известных анархистов. При этом сама анархистская философия продолжит развиваться в уже совсем другом книжном жанре.

Социологический институт РАН –
филиал ФНИСЦ РАН

С.А. Ребров
naruto639@mail.ru

Р.Р. Вахитов. *Марксизм и классика: от Ленина к Ильенкову. Сборник статей*. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2024. – 448 с. ISBN 978-5-4499-4507-5.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-221-226 УДК 1(091)

Марксизм в XXI в. – настолько разнообразное и неоднородное течение, что справедливо уже говорить о различных «марксизмах»: англо-американский, китайский, структурный,

© Герасимов Н.И., 2025

культурный, марксизм ситуационистов, неомарксизм сторонников идей «новых левых», феминистский марксизм и т.д. В этой связи разговор о классическом марксизме сегодня – это также и проверка классиков марксизма на их актуальность.

Рустем Ринатович Вахитов известен философскому сообществу прежде всего как специалист в области евразийской философии. Как правило, всякий последовательный исследователь евразийства рано или поздно вынужден глубоко погрузиться в марксистские штудии. Поэтому выход в свет книги Вахитова про марксизм – событие во многом предсказуемое.

Философия Карла Маркса – одна из самых дискуссионных и «горячих» тем в истории евразийской мысли. «Кламарский раскол» в рядах евразийцев в 1927 г. привел к тому, что едва ли не половина участников этого философского сообщества заняла промарксистскую позицию. «Кламарцы» (П.П. Сувчинский, Д.П. Святополк-Мирский и др.) рассматривали СССР в качестве государства, которое, по их мнению, сможет реализовать евразийский политический проект. Вахитов известен читателю еще и как публицист – как сторонник синтеза социалистических и евразийских идей. В связи с тем, что в сборнике содержатся не только его историко-философские научные статьи, но и общественно-политические очерки (соединяющие в себе классическое евразийство и марксизм), в целом книгу стоит рассматривать не как научное исследование, а как комплекс философских текстов, выражающих авторское представление о том, что такое марксизм сегодня (и отчасти даже как своеобразное продолжение идей «кламарцев» в свете современного философского знания).

Сама формулировка «марксизм и классика» как будто сразу очерчивает главный вопрос книги: «Что такое классическая марксистская философия?» Чтобы ответить на этот вопрос, читателю нужно будет ознакомиться с 6-ю разделами по несколько глав в каждой. Главный пафос этого сборника статей заключается в том, что «классическая линия в философии марксизма, которая идет от Маркса и Ленина и через Лукача доходит до Лифшица и Ильенкова, до сих пор мало изучена» (с. 11). С этим стоит согласиться. На сегодняшний день исследований по марксизму, в том числе и по идеям философов, которых Вахитов

причисляет к «классической линии», много, но нет ни одной книги, где бы эти философы смогли предстать перед читателем как представители марксистской классики. Одна из специфических черт этой книги в том, что в ней автор говорит о своей приверженности классическому марксизму, но при этом очень критически настроен в отношении всякого рода догматизма. В этом смысле позиция Вахитова очень сбалансированная. И хотя она во многих обстоятельствах провоцирует читателя на дискуссию, со своей стороны заметим, что если бы это было не так, мы бы имели дело не с живым марксистским текстом, а с типичным для советской эпохи формальным и сухим, идеологически ангажированным «препарированием» марксизма. Сам Вахитов признаёт, что готов погрузиться в возможный диалог с читателями – например, с «вульгарными марксистами» (с. 43). Поэтому все тексты в сборнике построены так, будто автор спорит с воображаемыми оппонентами.

Какова же главная специфическая черта классического марксизма? После прочтения первого раздела читатель справедливо заметит, что это верность диалектике. Для Вахитова диалектика является едва ли не главным и ценным в марксизме (поэтому структурный марксизм Л. Альтюссера для него – безусловный предмет критики). Что важно – отстаивая диалектику в марксистской философии, автор также критически относится к идеологически ангажированному марксизму-ленинизму. Рассматривая труд как диалектическое единство материального и идеального, Вахитов через Маркса и Ленина переходит к идеям Лукача, Лифшица и Ильенкова (включая идеи учеников Ильенкова: например, С.М. Мареева) и максимально сближает понятие труда с понятием творчества (этим обуславливается вполне органический переход рассуждений автора от Маркса и Ленина к толкованию природы творчества с опорой на философию Вл. Соловьёва и А.Ф. Лосева). Далее Вахитов рассматривает генезис субъекта истории (от раба до наемного рабочего в индустриальную эпоху), используя диалектику в качестве инструмента анализа, и убедительно доказывает, что проблема человека, личности – одна из важнейших в марксизме (в пику некоторым авторам, считающим, что марксизму вообще чужда философско-антропологическая проблематика).

В спорных и дискуссионных моментах Вахитов всякий раз возвращается не только к Марксу, как это делают многие, но и к идеям других марксистов, включая Ленина (с. 106). На наш взгляд, анализ идей Ленина в контексте проблемы соотношения политики и этики – сильный интеллектуальный ход. Автор убедительно доказывает на примере ленинского наследия, что лидер большевиков не всегда был сторонником политической прагматики и не всегда отзывался о нравственности как о чём-то, что не заслуживает специального внимания (с. 91). Вахитов предлагает смело говорить о философских взглядах большевиков как о том, что может обогатить науку. При этом назвать позицию автора апологетической тоже нельзя. Читатель найдет немало критических выпадов против русского марксизма на протяжении всей книги.

В то же время Вахитов исходит из аксиомы, что марксизм не разорвал связь с классической философией (Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, Гегель), а, напротив, развил ее идеи. Наверное, это так (мнения могут быть разными), но способ обоснования этой мысли у автора нельзя назвать удачным. Некоторые рассуждения автора вызывают смешанные чувства. Например, специфическая экстраполяция марксизма на историю классической философии представляется очень сомнительной (так, на с. 92 автор называет Платона «первым коммунистом»). Некоторые формулировки, касающиеся политической практики Платона, то ли провоцируют читателя на дискуссию (вполне возможно!), то ли представляют собой скорее шутку, публицистическую вольность, чем серьезное научное высказывание:

> Правда, политик из него вышел плохой: он так и не смог реализовать свой проект на Сицилии, хотя трижды пытался. Ленину в значительной мере это удалось (с. 92).

Книга состоит из статей разного периода (они написаны в разной манере и, очевидно, преследуют разные цели), но воспринимается как единый текст (который при желании можно читать и как сборник отдельных, не связанных друг с другом очерков). Тем не менее если в случае с разделами 1–4 и 6 у читателя в целом не возникнет вопросов к автору, потому что в каждом из них помещены статьи, раскрывающие заголовок,

то 5 раздел хочется назвать смелым философским экспериментом, поскольку помещенные туда очерки претендуют на раскрытие темы с использованием не самых типичных для такой задачи интеллектуальных сюжетов. В разделе «Классика в русской философии. Диалектика всеединства в идеализме и материализме» Вахитов пытается найти общие идейные (а иногда и терминологические) основания у Вл. Соловьёва и М.А. Лифшица. Ильенкова же он предлагает рассматривать как «марксистского философа всеединства» (с. 344). Хочется вновь похвалить автора за смелость, однако необходимо заметить, что такой взгляд на историко-философский процесс в свете проблемы всеединства – скорее эксперимент, чем научная аналитика. Впрочем, как эксперимент это невероятно интересно. Вся экспериментальность этой части книги помогает лишний раз иначе взглянуть на историю русской философии, где негласно разведены две темы: религиозно-философская мысль и марксизм. В этом смысле Вахитов делает всё возможное для ликвидации этого, на наш взгляд, вредного для науки представления (а оно вредно хотя бы уже потому, что многие русские религиозные мыслители в России начинали как убежденные марксисты).

Книга написана прекрасным литературным языком. Она будет понятна не только историкам философии, но и широкому кругу читателей. Кроме того, в отличие от многих современных книг, написанных с целью актуализации марксизма (см., например, сборник лекций А.В. Цветкова «Что такое марксизм?» (2024)), данная работа нацелена не на поиск марксистских сюжетов в массовой культуре, арт-индустрии, молодежных субкультурах и т.д., а на фундирование марксизма в качестве нестареющей классики, обладающей непреходящей ценностью как особая философская школа. Кроме того, работа Вахитова совершенно не похожа на очередную попытку «нового прочтения» марксизма (пора уже создавать историю «перезапусков» марксистской мысли). На наш взгляд, эта книга – хороший ответ на современную критику в адрес марксизма (особенно в свете рассуждений о том, что марксизм умер, как только стал развиваться в русле леволиберальной политической публицистики). Укрепление связи марксистского наследия с классической философией – самая

успешная стратегия сегодня для философа с марксистскими убеждениями. Вахитов и как философ, и как публицист отлично справляется с этой задачей.

Институт философии РАН **Н.И. Герасимов**
nickgerasimow@yandex.ru

Г.П. Щедровицкий. *На перекрестке мысли: введение в системомыследеятельностный подход*. М.: МИФ, 2024. – 672 с. ISBN 978-5-00214-612-3 (Серия «Учение Георгия Щедровицкого». Том I. Книга 1).

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-226-231 УДК 1(091)

Георгий Петрович Щедровицкий и Московский методологический кружок остаются уникальным явлением в истории отечественной философской культуры. На протяжении сорока лет, с середины 1950-х гг., в кружке велась работа, которая по своей интенсивности и масштабу сопоставима с крупнейшими философскими школами Европы. Более двухсот человек составляли ядро кружка[1], а несколько тысяч из разных областей науки, философии, бизнеса называют себя «опаленными методологией». Эта школа создала совершенно особый стиль философствования, где теория и практика, мышление и деятельность сливаются в единое целое, и формой выражения этого стиля стали «схемы», рисуемые методологами. По мнению отечественных исследователей, ММК «сыграл исключительно важную и продуктивную роль катализатора, своего рода инкубатора

[1] В начале 2000-х гг. был реализован беспрецедентный шаг по представлению членов кружка, где более 200 человек написали автобиографические тексты о своем опыте участия в работе ММК. Они были изданы двумя томами, а потом объединены в электронной форме: «Персоналии», *Московский методологический кружок*, https://fondgp.ru/mmk/persons/.

© Загидуллин Ж.К., 2025